

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-325-338

ЖУРНАЛ «GEOPOLITICA» И СТАНОВЛЕНИЕ ИТАЛЬЯНСКОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

М.А. Шепелев

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

В статье рассматриваются истоки, методологические особенности и процесс институционализации итальянской геополитической школы, место и роль в этом процессе журнала «Geopolitica». Анализируются особенности итальянского геополитического мировосприятия и геостратегические приоритеты, сформулированные представителями итальянской геополитической школы в период ее становления в 20—40-е гг. XX в. (Средиземноморье — *Mare nostrum*, Евроафрика). Показано, что ее специфика проистекала из уникального исторического опыта и культурной идентичности Италии как наследницы величия Римской империи и ядра мирового католицизма, а также из особенностей ее геополитического положения в качестве центра Средиземноморского мира. Представители итальянской школы (Р. Альмаджа, Л. де Марчи, Э. Масси, Дж. Ролетто, А. Тоньолю и др.) стремились, при определенной идеологической ангажированности, выразить и защитить эту уникальность, положить ее в основу выработки национальной геостратегии, отвечавшей вызовам эпохи. Поставленные ими проблемы носили во многих случаях фундаментальный характер и продолжают находиться в центре внимания теоретиков и практиков геополитики в современной Италии.

Ключевые слова: геополитика, политическая география, итальянская геополитическая школа, журнал «Geopolitica», «большое пространство», Средиземноморье — *Mare nostrum*, Евроафрика

Становление и развитие геополитического знания традиционно связывается с интеллектуальным творчеством представителей германской, англосаксонской, российской и французской геополитических школ, оставляя на периферии внимания исследователей геополитический дискурс в ряде других европейских стран, довольно активно развивавшийся с начала XX в., в условиях кризиса предыдущей «фазы подъема» глобализации, названной В.И. Лениным империализмом. В первую очередь речь идет об Италии, которая с начала 20-х гг. XX в. взяла курс на построение автаркичного государства и воссоздание под своей эгидой «большого пространства» в Средиземноморье. Актуальность изучения этой темы связана с тем, что в настоящее время мир и Европа входят в новый кризис глобализации, открывающий ее очередную «понижательную» фазу, в связи с чем можно ожидать обращения к новым проектам регионализации и регионального лидерства, а именно такого рода идеи и проекты выдвигались в 20—40-е гг. XX в. итальянскими геополитиками, в особенности группировавшимися вокруг журнала «Geopolitica».

Итальянские ученые, разумеется, проявляют достаточно заметный интерес к изучению проектов итальянских геополитиков (можно назвать работы А. Винчи [Vinci 1990], М. Лозано [Losano 2011], П. Лоро [Lorot 1997], Л. Романьоли [Romagnoli 2002], М. Синибальди [Sinibaldi 2010]), однако для российского научного

сообщества итальянская геополитическая школа, особенно первой половины XX в., остается малоизвестной. Поэтому цель данной статьи — раскрыть особенности становления итальянской геополитической школы и показать место и роль в этом процессе журнала «Geopolitica». Практическое значение данной статьи определяется тем, что она способствует совершенствованию представлений об особенностях геополитического мировосприятия итальянцев, на формирование которого национальная геополитическая школа оказала существенное влияние.

ИСТОКИ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРОЦЕСС ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ИТАЛЬЯНСКОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Источником становления итальянской геополитической школы явилось интеллектуальное влияние ирредентизма эпохи Рисорджименто. Стремление к завершению объединения страны, возвращению последних, оставшихся не воссоединенными, земель было одним из важнейших факторов политической жизни Италии последней трети XIX — начала XX в. Оно нашло отражение как в общественных настроениях, так и в политических движениях и публицистической литературе (Габриэле д'Аннунцио, Энрико Коррадини и др.). Особое значение для становления итальянской геополитики имел миф о «Средиземноморском Рисорджименто», призванный обеспечить своего рода преемственность между идеей «средиземноморской судьбы» Савойской династии и имперской миссией «Третьего Рима». Провозглашенная Бенито Муссолини третья эпоха в истории Рима (после Рима античного и папского), которую до него возвещали Джузеппе Мадзини и Виченцо Джоберти, должна была означать появление «новой цивилизации». Собственно, итальянская геополитика в ее классический период (20—40-е гг. XX в.) как раз и воплощала в себе универсалистское сознание имперской миссии Италии.

В методологическом же аспекте становление итальянской геополитики соотносится с формированием современной национальной школы географической науки. Ее основы заложил Джузеппе далла Ведова (1834—1919), автор книг «О происхождении и развитии физической географии» (1868 г.) и «География в наши дни» (1873 г.). Он известен также тем, что на высказывание австрийского канцлера К. Меттерниха, назвавшего Италию «просто географическим выражением», ответил, что «географическое выражение представляет собой своего рода организм, а организмы имеют собственный разум и право собственного существования». Позднее, в 1918 г., Дж. далла Ведова выразил сущность итальянского взгляда на политическую и экономическую географию в понятии «утилитарная география», означавшем в его понимании ориентацию на благосостояние личности и общества. Это представление о географии как утилитарной науке получило развитие у Джорджо Ролетто (1885—1967) [Roletto 1929].

В 1923 г. один из ведущих итальянских географов, профессор Римского университета Роберто Альмаджа (1884—1962) обосновал необходимость включить в политическую географию «динамический» аспект, так как он считал эту дисциплину слишком «статичной» (т.е. описательной). В его понимании, если статическая политическая география изучает размер, расположение, форму и структуру

государства, то динамическая политическая география призвана проанализировать государство как «человека, который рождается, растет, стареет и гибнет под воздействием некоторых, в значительной степени связанных с географией, условий» [Almagià 1923: 755]. И хотя такой подход воспроизводил теорию Фридриха Ратцеля о государстве как биологическом организме, Р. Альмаджа критиковал Ратцеля за чрезмерное увлечение географическим и экологическим детерминизмом.

С тех пор термин «динамическая политическая география» стал широко использоваться среди итальянских географов, некоторое время избегавших употреблять понятие «геополитика» в стремлении дифференцировать себя от своих немецких коллег, склонных будто бы к игнорированию морфологических, гидрологических и климатологических основ политической географии. В отличие от германской *Geopolitik*, итальянская политическая география стремилась сохранить статус географической науки, утверждая неотделимость «статической» части дисциплины от «динамической».

С начала 1930-х гг. итальянские географы стали признавать сходство их «динамической политической географии» с *Geopolitik* в ее германской интерпретации [Roletto & Massi 1931: 23]. Тогда же Эрнесто Масси (1909—1997) заявил, что геополитические исследования должны восприниматься более серьезно в качестве области научного знания, а также подчеркнул пользу для итальянской географической науки восприятия географической и геополитической методологии уже сложившихся европейских национальных школ [Massi 1931]. Такой подход способствовал как активному изучению и рецепции германского и французского методологических подходов, так и разработке собственного, итальянского подхода, отличавшегося от них.

Профессор университета Падуи Луиджи де Марчи (1857—1936), автор первой итальянской книги по политической географии, воспроизводя метафору Ратцеля о государстве как биологическом организме, рассматривает законы пространственного роста государства, как и в целом «законы» политической географии, скорее, как тенденции [Marchi 1929: 11]. Р. Альмаджа также, рассматривая органический рост государства, предпочитает термин «тенденции», а не «законы», стремясь дистанцироваться от Ратцеля и показать, что окружающая среда не имеет абсолютной власти над обществом [Almagià 1936: 202]. Кроме того, характерное для итальянской политической географии признание политической воли в качестве «определяющего фактора в антропогеографической области» связано также с манифестируемой фашизмом идеей волюнтаризма — способности человека преодолевать любые естественные препятствия.

Институционализации геополитики в Италии способствовали открытие кафедр политической и экономической географии на факультетах политических наук ведущих итальянских университетов, а также учреждение ряда исследовательских центров. Еще в 1906 г. был основан Итальянский колониальный институт. В 1928 г. он стал именоваться «Фашистский колониальный институт» (ICF), в середине 1930-х гг. его «культурным директором» становится Эрнесто Масси. В 1937 г. ICF был переименован в Фашистский институт итальянской Африки (IFAI), затем в 1947 г. реорганизован в Итальянский институт Африки (ИА), который в 1971—

1995 г. именовался «Итало-африканский институт» (*Instituto italo-africano*). Эта последовательность смены названий демонстрирует институциональную преемственность: в сущности, одно и то же научное учреждение обеспечивает итальянскую внешнюю политику более столетия.

Также в 1933 г. усилиями Джованни Джентиле был создан Итальянский институт Ближнего и Дальнего Востока (*IsMEO*, ныне объединившийся с ПА в Итальянский институт Африки и Востока). В 1934 г. был основан Институт исследований международной политики (*ISPI*), а в 1935 г. — Институт истории итальянского Рисорджименто (*ISRI*). Но особое значение имело издание в 1939—1942 гг. журнала «*Geopolitica*», имевшего подзаголовок «Ежемесячный обзор политической, экономической, социальной географии». Издатели журнала намеревались «утвердить самостоятельное географическое национальное мышление, указать пути и причины итальянского империализма». В вышедшем в январе 1939 г. первом номере издания было опубликовано приветствие главы германской геополитической школы генерала Карла Хаусхофера. Но, несмотря на довольно тесные личные связи с Хаусхофером и другими германскими коллегами, итальянские геополитики уделяли заметное внимание теоретическому обоснованию различий «латинского» и «германского» геополитического мировосприятия.

Во главе проекта журнала «*Geopolitica*» стояли Дж. Ролетто, профессор экономической географии в университете Триеста, и его ученик Эрнесто Масси, в то время преподававший политическую и экономическую географию в Католическом университете Святого сердца в Милане и университете Павии. Последний, в отличие от своего учителя, знал немецкий язык и поддерживал дружеские личные отношения с К. Хаусхофером. Большую роль в выходе журнала в свет сыграли ректор Католического университета Святого сердца отец Агостино Джемелли и министр национального образования Италии в 1936—1943 гг. Джузеппе Боттаи. Считается, что Э. Масси, находившийся в сложных отношениях с официальной географической наукой и пытавшийся подражать Хаусхоферу в популяризации геополитики в итальянском обществе, стремился, с одной стороны, создать собственное исследовательское пространство, а с другой — выйти за рамки академической аудитории. Он обратился за содействием к отцу А. Джемелли, который и представил его министру Дж. Боттаи, а тот предложил ему начать издавать журнал совместно с Дж. Ролетто, наставником Масси, и обеспечил новое издание государственным финансированием и достаточно широким кругом подписчиков.

Журнал «*Geopolitica*» издавался ежемесячно объемом 60—70 страниц с января 1939 г. по декабрь 1942 г., причем до апреля 1941 г. его можно было найти не только в библиотеках, но и в газетных киосках. Тираж издания достигал 1 тыс. экземпляров. Главная редакция находилась в Триесте, где работал Дж. Ролетто и его помощники, два дополнительных офиса были открыты в Милане и Риме под руководством соответственно Э. Масси и Уго Морикини. Коллектив журнала и поддерживавший его министр активно способствовали формированию профильного исследовательского сообщества. Так, 15—16 декабря 1939 г. в Павии состоялся I Международный междууниверситетский конвент по геополитике.

Издание привлекло значительный интерес молодых ученых, среди авторов журнала был даже будущий премьер-министр послевоенной Италии Аминторе Фанфани. Сотрудничавшие с журналом географы возглавляли важные кафедры в итальянских университетах в течение всего послевоенного периода (У. Тоски, А. Тоньоло, Дж. Карачи, Дж. Нагерони, Дж. Мерлини, М. Ортолани, Э. Бонетти). Стремясь подчеркнуть отличие итальянской школы от германской и французской, они видели ее сущность в «антидетерминизме» и обращали внимание на то, что германские ученые создавали геополитическое знание на основе географического «детерминизма», а французские — на основе «поссибилизма». Для одних было характерно преувеличение доминирующей роли природы над человеком, для других — чрезмерная склонность к отстаиванию исключительно национальных интересов, заключавшихся, прежде всего, в сохранении установленного в Версале статус-кво. Вместо этого, по мнению итальянских ученых, они должны были бы объединиться в новую науку с добавлением третьего элемента: «географического гуманизма». Это понятие предполагало акцентирование на духовно-культурных факторах, характерных для традиции итальянского гуманизма, от Данте и Петрарки до Никколо Макиавелли и Джованни Ботеро, и в особенности Джамбаттиста Вико. Эти традиции нашли воплощение в философских и политико-экономических учениях отцов Рисорджименто: Джандоменико Романьози, Чезаре Бальбо, Винченцо Джоберти, Джузеппе Мадзини, Карло Каттанео, Джакомо Дурандо, Чезаре Корренти, Мельхиорре Джиойя, Карло Пизакане. Также «Geopolitica» обратился к величественному наследию Римской империи, превознося его как отличный пример геополитического праксиса. В той исторической ситуации соединение практической геополитики с традицией формальной геополитики, воплощенной вышеупомянутыми «предшественниками», должно было продемонстрировать превосходство итальянской геополитики над германской. На страницах «Geopolitica» У. Морикини впервые представил обзор истории итальянской геополитической мысли и геостратегии со времен Юлия Цезаря до Муссолини.

В первом номере «Geopolitica» его редакция четко заявила, что она ставит своей целью стать «географическим, политическим и имперским сознанием» государства и выступает за развитие «авторитарной» геополитической мысли, эксклюзивно укорененной в итальянской интеллектуальной традиции, независимой от других геополитических школ. В целом, согласно Э. Масси, «итальянская геополитика — это наука о жизненных пространствах, склонных к оптимальным областям, в которых окружающая среда, исторические традиции, потребности жизни настоящих и будущих поколений находятся в согласии с общим благом» [Massi 1992: 136]. Правда, активно используемое итальянскими геополитиками понятие «жизненное пространство» наполнялось в их работах скорее экономическим, нежели расово-демографическим содержанием, что может быть объяснено дифференцированным этнический составом средиземноморского региона, который рассматривался в качестве итальянского «жизненного пространства». Обсуждая понятие европейского жизненного пространства, идея формирования которого должна была привести к созданию Европейского таможенного и валютного союза, авторы журнала «Geopolitica» пытались расширить границы этого пространства

за пределы Европы, включив в него все Средиземноморье, Ближний Восток и Африку. Основание такого стремления было связано с намерением сместить центр тяжести европейского жизненного пространства от Германии ближе к Италии.

В 1941 г. образовавшаяся под эгидой Национального географического комитета группа ученых, включавшая Дж. Ролетто, Антонио Ренато Тониоло (1881—1955), Умберто Тоски (1897—1966) и Вито Кармело Коламониго (1882—1973), задалась целью установления единого определения геополитики. Оно было сформулировано следующим образом: «Геополитика — это доктрина, которая изучает политические явления с точки зрения их пространственного распределения и экологических отношений, их истоки и развитие. Геополитика, таким образом, отождествляет себя с политической географией».

ОСОБЕННОСТИ ИТАЛЬЯНСКОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ

В 1924 г., всего через два года после прихода к власти, Б. Муссолини совершил символический визит в Итальянское географическое общество. Как бывший школьный учитель географии, дуче считал, что «география — это неизменный элемент, определяющий судьбы народов» [Mussolini 1935: 39]. Эти слова, произнесенные 18 марта 1934 г., спустя 10 лет после упомянутого визита, на протяжении многих лет воспроизводились итальянскими геополитиками. Очевидной для Муссолини была и прямая связь географии и внешней политики: «Внешняя политика — это глобальная и сложная проекция нации в мире». В понимании дуче внешняя политика формируется под влиянием определенных географических, исторических и экономических факторов.

Условия, в которых оказалась Италия после Первой мировой войны, несмотря на то, что она входила в число стран-победительниц, рассматривались в итальянском обществе как несправедливые, неблагоприятные и сдерживающие развитие страны. Поэтому итальянские геополитики выступали против закрепленного Версальским мирным договором мироустройства с его институтами, такими как Лига Наций, поскольку это мироустройство отстаивало интересы лишь «богатых наций» и дискриминировало «пролетарские нации», такие как Италия. По словам Э. Масси, «вся послевоенная политика Великих демократий состоит в том, чтобы закрепить свое господство, предотвратить любое нарушение равновесия и помешать любому перемещению границ» [Massi 1939: 18] во имя достигнутого после Первой мировой войны и закрепленного Версальским договором статус-кво. С позиций итальянского национализма и ирредентизма они говорили об «изувеченной Победе» («Vittoria mutilata»), итоги которой лишили Италию плодов этой победы, не обеспечив в условиях раздела Австро-Венгрии реализации итальянских притязаний на исторически связанные с ней северо-восточные территории — Далмацию, острова Курцола (Корчула), Лисса (Вис) и Брацца (Брач), город Фиуме (Риека) с Либурнией и два крупных острова Велья (Крк) и Арбе (Раб). И это при том, что Далмация была обещана Италии за участие в войне на стороне Антанты.

В межвоенный период Италия воспринималась как заключенная западными державами в средиземноморскую «тюрьму»: «Решетки этой тюрьмы — Корсика,

Тунис, Мальта и Кипр, а ее стражи — Гибралтар и Суэц». В связи с этим главная задача Италии виделась в том, чтобы превратиться из «заклученного» в доминанту Средиземноморья, вытеснив из него Англию. С точки зрения итальянских геополитиков, Италия должна проецироваться в *Mare nostrum* на уровнях культурного, экономического и политического влияния, направленного против Франции, но особенно против «нового Карфагена» — Англии. Этим объясняется и значительное внимание, уделяемое выстраиванию дружеских отношений с Испанией, Турцией и арабским миром в рамках грандиозного проекта Евроафрики (*Eurafrica*) — итальянской версии «доктрины Монро». Проект Евроафрики впервые был выдвинут в 1930 г. колониальным географом Паоло д'Агостино Орсини [D'Agostino 1926, 1934], а в 1937 г. получил развитие в работе Дж. Ролетто «Тенденции континентальной геополитики и ось Евроафрики» [Roletto 1937]. Этот проект меридиональной интеграции предполагал, в том числе, строительство железнодорожной трансафриканской магистрали от Триполи до Кейптауна, призванной ограничить значение подконтрольного Англии Суэцкого канала. В октябре 1940 г., после объявления войны против Англии и Франции, журнал «*Geopolitica*» вновь актуализировал идею Евроафрики как большого пространства под эгидой Италии.

Наряду с Евроафрикой итальянские геополитики выделяли обычно еще два больших пространства, экономически обусловленных: панамериканский блок и блок иены, или Великой Азии. Отличаясь друг от друга в различных аспектах, все три пространства имеют схожую цель — сформировать огромный рынок без национальных барьеров, в рамках которого может быть обеспечена максимальная эффективность в деле достижения автаркии. По мнению Э. Бономи, чем больше дополняют друг друга экономики таких стран и территорий, т.е. их природные, промышленные и человеческие ресурсы, тем более рациональным в экономическом смысле является конструируемый блок. В связи с этим он выделяет следующие элементы, необходимые для создания большого экономического пространства: «1) множественность и дифференциация сельскохозяйственных культур; 2) разнообразие и обилие основного сырья; 3) сильное развитие промышленности во всех отраслях производства; 4) средства коммуникации; 5) демографический потенциал, имеющий двойное назначение, направленное на обеспечение производства и потребления; 6) авторитет и организационные способности государственного руководства» [Bonomi 1942: 10]. Э. Бономи подчеркивал решающее значение последнего элемента, так как «строительство экономического блока не может происходить без подавления партикулярных интересов — и политических, и экономических, — которые в любом случае сильны и многочисленны и препятствуют свободной игре вышеуказанных элементов». Этим обусловлена необходимость иметь в создаваемом новом экономическом организме сильную политическую надстройку.

Для всех трех больших пространств характерно то, что они формируются вокруг собственного «средиземноморья». По мнению Дж. Ролетто, в «американском средиземноморье» США ведут себя так же, как Англия в европейском и Япония в азиатском, стремясь к созданию и укреплению своих стратегических баз. Он прогнозировал успех США и Японии в своих больших пространствах и поражение Англии в Европе — в пользу Италии.

Как известно, стремясь обеспечить победу Италии в борьбе с Англией, Муссолини выдвинул лозунг: «Средиземное море для средиземноморских народов». Этот тезис активно поддерживался итальянскими геополитиками. По словам Паоло д'Агостино Орсини, «германские, славянские и скандинавские народы могут воссоединяться, как они хотят; но они должны держаться подальше от Средиземного моря». В стремлении к независимости и автаркии авторы «Geopolitica» доказывали существование автохтонной «романской расы», но это понятие не строилось, как в Германии, на идеях «крови» и «чистоты», а базировалось на психологических и духовных характеристиках: нет единства в крови, но есть единство имперского духа. По словам Дж. Джулиани и К. Ломбарди-Диоп, «как в либеральную эпоху, так и во времена фашизма понятие «белый» не означало фенотип, но превращало в «цвет» представление о гражданстве, культурном и/или историческом наследии и точном положении класса, географическом и вообще» [Giuliani, Lombardi-Diop 2013: 42].

Некоторые геополитики (как, например, Луиджи Виллари или Этторе ди Дзуани) рассчитывали не только на успех Италии в борьбе с Англией, но и на возможности подъема борьбы против английского колониализма в Латинской Америке — от Мальдив до Британского Гондураса. А Роберто Канталупо даже считал возможным крах панамериканского проекта, полагая, что война окончательно противопоставила две Америки — Латинскую, «католическую и гуманистическую», и Северную, «протестантскую и англиканскую, прогрессивную и радикальную, финансовую и масонскую» [Cantalupo 1941]. Расчет делался, в частности, на стремление Латинской Америки избежать абсолютной гегемонии США, что будто бы заставит эти страны обороняться от этой гегемонии посредством регионализма. Правда, многие не верили в такую возможность. Сильвио Поццани, например, доказывал, что превосходящая остальные страны финансовая мощь США способна преодолеть недостаток взаимодополняемости между экономиками двух Америк, а идеологическая война против латиноамериканского авторитаризма обеспечит успех панамериканской пропаганды. Также он ожидал, что проекты латиноамериканского регионализма столкнутся с неизбежными трудностями из-за слабого патриотизма креолов, пограничных споров, слабости экономик и торговой конкуренции. Единственную надежду на провал панамериканизма он связывал с возможностью того, что в случае вступления США в войну Аргентина выступит на противоположной стороне (подобно Болгарии в Европе). Как известно, все эти расчеты не оправдались.

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ

Проявляя интерес к процессам, происходящим в разных регионах мира, итальянские геополитики, прежде всего, рассчитывали все же получить возможность оказывать влияние на итальянскую внешнюю политику в зонах непосредственных геополитических интересов Италии, к которым относили северо-восточную Африку, оба берега Адриатики с Далмацией и Албанией, Мальту, Корсику, Ниццу, Савойю и швейцарский кантон Тичино, где жили многочисленные итальянские

соотечественники. Считалось необходимым не допустить абсолютного контроля над Средиземным морем и северо-восточной Африкой со стороны Великобритании и Франции. Более того, итальянские геополитики рассматривали в качестве необходимого условия предотвращения возможной военной и экономической блокады Италии установление ее контроля над Суэцким каналом и Гибралтарским проливом, тогда находившимися в руках Британии. Это определялось экономическими интересами Италии, так как в 1938 г. 75% всего итальянского импорта и 98% импортной нефти транспортировалось на полуостров через Гибралтар и Суэц. Однако в этих расчетах не учитывалась слабость итальянской морской силы, осознававшаяся тогда лишь некоторыми итальянскими морскими стратегами, поддерживавшими из-за этого курс на союз с Англией, а не с Германией.

Между тем итальянские геополитики, прежде всего, стремились вернуть контроль Италии над *Terra irredenta* и северо-восточной Африкой. В русле идеалов *Risordjimento Terra irredenta* рассматривалась как неотъемлемая часть итальянского полуострова, а также как средство доминирования в Средиземном море (*Mare nostrum*), т.е. на Корсике, Мальте, в Далмации, Ницце и Савоие. В 20—40-е гг. XX в. в рамках курса политической и экономической географии в университете Боччони в Милане Луиджи Филиппо де Маджистрис подчеркивал тесную связь Италии и Средиземноморья, в основном в силу логики границ, географии и присутствия итальянских соотечественников, численность которых достигала 50% от общей численности населения, во всех землях, соседних с *Mare nostrum*. Последнее он рассматривал как основание для доминирования Италии в бассейне Средиземного моря. Если для Британии оно является лишь коммуникационной артерией, то для Италии — это жизненное пространство.

В 1940 г. Э. Масси на страницах «*Geopolitica*» отмечал, что «если мировая перестройка должна основываться на организации больших земных пространств, то задачей Италии является председательствовать при организации средиземноморского пространства» [Massi 1940: 331]. В силу своего могущества, богатства своих традиций, их всемирного значения итальянский народ призван реализовать свою миссию восстановления и упорядочения в этом море и в этом регионе, который является его жизненным пространством. Для этого, прежде всего, следует избавиться от иностранного (английского) присутствия в регионе. Тогда порты Средиземного моря, открытые для транзита, освободившись от бремени внешнего управления, будут заинтересованы в достижении политической солидарности между средиземноморскими народами, основанной на общих интересах свободной торговли и безопасности. Заинтересованность в этом будет, по мнению Масси, только усиливаться по мере развития процессов формирования больших пространств вокруг Германии и России.

Один из сотрудников «*Geopolitica*» Ливио Керси отмечал, что Средиземное море со времен Древнего Рима и далее, за исключением периода исламской экспансии, всегда было подконтрольным Италии [Chersi 1940: 214]. Поэтому после того, как в 1936 г. Муссолини провозгласил восстановление империи, Италия должна стать государством, реализующим свои интересы на уровне Средизем-

ного моря и Европы в целом. В 1940 г. доцент Болонского университета Антонио Тоньооло, также напоминая об исторической реальности имперского господства Рима в Средиземноморье, призывал Италию и Испанию активно сотрудничать в достижении полного контроля над всей областью Средиземного моря, чтобы две страны смогли положить конец тягостному британскому присутствию в Средиземноморском бассейне [Tonioolo 1940].

Обращение к теме римской традиции, оказывавшей гармоничное воздействие на Средиземноморский мир, подчеркивало отличия итальянского колониализма от колониализма западных демократий, основанного на «экономике грабежа». Вообще для итальянской геополитики характерным было культивирование идеи «теплых отношений» со всеми прибрежными странами, от Испании до Греции и от Турции до Египта, на антибританской основе, что было также призвано создать условия для принятия ими итальянского доминирования в Средиземноморье. В ноябре 1942 г. еще один геополитик Лодовико Маджулиани опубликовал на страницах журнала статью, в которой проанализировал отношения между *Mare nostrum*, Африкой и Евразийским континентом. В этом контексте Италия должна играть роль моста, соединяющего две континентальные реальности, и стать центром нового геополитического блока [Magugliani 1942].

По мнению итальянских геополитиков, никакое другое «средиземное море» в большей мере, чем *Mare nostrum*, не воплощает форму абсолютного физического, биологического, экономического и гуманитарного единства. Центральное расположение Италии по отношению к нему рассматривалось в качестве ключевого фактора, определяющего ведущую роль страны в образуемом этим морем регионе. Правда, Э. Масси утверждал, что единство средиземноморского региона не было основано на географических особенностях, но главным образом на человеческой воле, поэтому это единство носит геополитический, а не географический характер. Придерживаясь более близкой к германской школе точки зрения, Дж. Ролетто полагал, что «для того, чтобы быть единым, Средиземное море всегда вращалось вокруг оси централизации, роль которой была более эффективной тогда, когда она соответствовала географическому центру бассейна». Это центральное географическое положение Италии позволяет ей поддерживать гармоничный баланс между Востоком и Западом Средиземноморья.

Ряд геополитиков обосновывали необходимость установления итальянского господства в Албании, находящейся всего в 75 км от побережья итальянского региона Апулия. Так, по мнению Ренаты Песс, в этом случае будет гарантировано увеличение итальянского экспорта в Грецию, Югославию и, предположительно, в направлении Болгарии и Румынии. Контроль над Албанией позволит «сдерживать греческое давление», укрепить позиции Италии в Адриатике и в целом в восточной части Средиземного моря. В дополнение с ориентацией на Венгрию, сдерживающую Румынию, и Болгарию, выполняющую аналогичную роль в отношении Югославии, Песс выходит на идею «треугольника» Албания — Болгария — Венгрия, отвечающего интересам Италии и противостоящего «неопределенности и колебаниям на Балканском полуострове» [Pess 1940].

Особый интерес итальянские геополитики проявляли к Далмации, ранее входившей в состав венецианских владений. Связанная с политической точки зрения с Югославией, Далмация отделена от центра этого созданного Версальским договором государства Динарским плато, но при этом связана с Италией в рамках культурной традиции и исторически сложившихся коммуникаций. Как заявлял Густаво Карелли, исторически Далмация играла роль бастиона латинской цивилизации и западного христианства перед различными угрозами с Востока [Carelli 1941]. Лишь с аннексией Далмации Австро-Венгрией и затем — с включением в состав Югославии она утратила историческую роль «центра итальянскости» (*centro d'italianità*), и эта ситуация должна быть преодолена в рамках нового имперского проекта «Третий Рим» (первый Рим — Римская империя, второй Рим — Священная Римская империя). В целом контроль над побережьем Адриатики и Западными Балканами рассматривался итальянскими геополитиками как первый этап в процессе установления господства Италии в Средиземноморье.

Итальянские геополитики также активно выступали с осуждением британского империализма в Палестине, поддерживали политику выстраивания дружеских отношений с арабским Ближним Востоком и стремились представить Италию как освободительную силу Mashriq. Важную роль в этом направлении сыграл Институт ближневосточных исследований (IsMEO), также издавался журнал «Арабская нация», организовывались радиопередачи на арабском языке, проводились студенческие конференции по азиатским исследованиям. Однако катастрофа под Эль-Аламейном 1942 г. уничтожила последние шансы на реализацию имперских амбиций Италии в Африке.

СУМЕРКИ ИТАЛЬЯНСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Между тем еще в 1941 г. между Э. Масси и Дж. Ролетто возникли определенные разногласия: если Ролетто настаивал на тесной связи с немецкой геополитикой, то Масси вместо этого занялся разработкой альтернативного подхода, который в большей мере опирался на духовные, а не на материальные факторы геополитики. Совместно с Марио Моранди, заменившим Ролетто во главе журнала в 1941 г., Масси попытался выдвинуть новую версию геополитики, свободную от экологического детерминизма и утверждающую динамическую активность человека. Эти идеи были созвучными выдвинутой позднее идеям А. Хаусхофера и А. Грабовски, намеревавшихся повернуть германскую геополитическую школу в похожем направлении.

Как отмечает Д. Аткинсон, «Geopolitica» интересен своей геополитической топографией современного мира, но, пожалуй, самое значительное его наследие связано с попыткой донести геополитические знания до итальянского народа и выкроить интеллектуальное пространство, в котором итальянский геополитический анализ может процветать» [Dodds, Atkinson 2003: 107].

Следует признать, что в целом итальянские геополитики практически не оказывали существенного влияния на формирование внешней политики страны. На протяжении четырех лет существования журнала «Geopolitica» его редакторы

только один раз встречались с Муссолини. Как позже признавал Э. Масси, их отношения с режимом были весьма сложными: «Это правда, что мы повлияли на политический класс некоторыми статьями, и я лично был в контакте с А. Лесоне, министром итальянской Африки. Но режим не очень стремился общаться с нами, чтобы сделать свой выбор». Во многом это объясняется и тем, что итальянские геополитики занимались главным образом подтверждением уже избранного режимом внешнеполитического вектора, а не изучением возможных альтернативных направлений внешней политики.

После войны и Дж. Ролетто, и Э. Масси некоторое время были отстранены от преподавания, а в науке сосредоточились на исследованиях в области экономической географии. Из-под пера Ролетто вышли книги «Порт Триест и его проблемы» и «Экономика Югославии», а Масси написал «Основы европейской экономической интеграции». С 1959 г. Масси преподавал в Государственном университете Милана, а затем с 1965 г. — в Римском университете «La Sapienza». В 1978 г. он стал президентом Итальянского географического общества и занимал этот пост до 1987 г. Также он возглавлял Институт корпоративных исследований и был одним из лидеров Итальянского социального движения, ведущим деятелем его «левого» крыла, остро критиковавшим либеральный капитализм и послевоенный мировой порядок.

Объединившиеся вокруг журнала «Geopolitica» итальянские интеллектуалы (в основном географы) сыграли ключевую роль в становлении итальянской геополитической школы, определив ее специфику в ряду сложившихся к тому времени других национальных школ геополитической науки. Эта специфика проистекала из уникального исторического опыта и культурной идентичности Италии — наследницы величия Римской империи и ядра мирового католицизма, а также из особенностей ее геополитического положения в качестве центра средиземноморского мира. Представители этой школы стремились выразить и защитить эту уникальность, положить ее в основу выработки национальной геостратегии, отвечавшей вызовам эпохи.

Разумеется, складывавшаяся в фашистской Италии геополитическая школа не могла не оказаться подчиненной логике проводимого тогда внешнеполитического курса, в связи с чем она несла определенную моральную ответственность за последствия этого курса. Этим объясняется длительная послевоенная «пауза» в развитии итальянской геополитической мысли, «уход в тень» ее видных представителей, занявшихся изучением других проблем (в основном экономической географии и страноведения). Несмотря на замалчивание геополитики как таковой, в Италии вплоть до конца 70-х гг. XX в. (когда с 1978 г. стал выходить «Hérodote-Italia», в 1982 г. переименованный в «Erodoto»), идеи Э. Масси и его коллег не исчезли бесследно. Независимо от определенной идеологической ангажированности, обусловленной особенностями существовавшего тогда политического режима, поставленные ими проблемы носили во многих случаях фундаментальный характер и продолжают находиться в центре внимания теоретиков и практиков геополитики в современной Италии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

- Almagià, R. (1936). Elementi di geografia politico-economica. Milano: Giuffré.
- Almagià, R. (1923). La geografia politica. Considerazioni metodiche sul concetto e sul campo di studio di questa scienza. *L'Universo*, 10, 751—768.
- Bonomi, E. (1942). *Il problema della Grande Asia*. Quaderni di cultura politica, Serie XII, 3. Roma: I.N.C.F.
- Cantalupo, R. (1941). L'America e le Americhe. *Storia e Politica Internazionale*.
- Carelli, G. (1941). Dalmazia e i suoi confine. *Geopolitica*, III (5), 243—249.
- Chersi, L. (1940). I problemi geopolitici del Mediterraneo. *Geopolitica*, II (5), 214—215.
- D'Agostino Orsini di Camerota, P. (1934). *Eurafrica: L'Africa per l'Europa, l'Europa per l'Africa*. Roma: P. Cremonese.
- D'Agostino Orsini di Camerota, P. (1926). *L'Italia nella politica Africana*. Bologna: Capelli.
- Dodds, K. & Atkinson, D. (Eds.). (2003) *Geopolitical traditions. A century of geopolitical thought*. London: Taylor & Francis e-Library.
- Giuliani, G., & Lombardi-Diop, C. (2013). *Bianco e nero: storia dell'identità razziale degli italiani*. Firenze: Le Monnier.
- Lorot, P. (1997). *Storia della Geopolitica*. Trieste: Asterios.
- Losano, M. G. (2011). *La geopolitica del Novecento. Dai Grandi Spazi delle dittature alla decolonizzazione*. Milano: Bruno Mondadori.
- Magugliani, L. (1942). Il Mediterraneo centro geopolitico del blocco continentale Euro-Asio-Africano. *Geopolitica*, IV (11), 495—504.
- Marchi, L. de. (1929). *Fondamenti di geografia politica*. Padova: Cedam.
- Massi, E. (1939). Democrazie, colonie e materie prime. *Geopolitica*, I (1), 17—35.
- Massi, E. (1931). Geografia politica e geogiurisprudenza. *La Cultura Geografica*, 2, 81—102.
- Massi, E. (1986). Geopolitica: dalla teoria originaria ai nuovi orientamenti. *Bollettino della Società Geografica italiana. Serie XII*, III (1—6).
- Massi, E. (1992). Il contributo della geopolitica alla comprensione del mondo moderno. *Partecipare. Rivista di studi corporativi*, XXII (2), 128—145.
- Massi, E. (1940). Problemi mediterranei. *Geopolitica*, II (12), 331—340.
- Mussolini, B. (1935). *Scritti e discorsi*. Vol. IX. Scritti e discorsi dal Gennaio 1934 al 4 Novembre 1935. Milano: Hoepli.
- Pess, R. (1940). Aspetti geopolitici dell'Albania. *Geopolitica*, II (1), 9—16.
- Pozzani, S. (1941). Continentalità o regionalità nell'America Latina. *Storia e Politica Internazionale*.
- Roletto, G. (1929). La geografia come scienza utilitarian. In: “*Discorso inaugurale dell'a a. 1928—1929*”, Regia Università degli Studi economici e commerciali di Trieste, pp. 3—20.
- Roletto, G. (1937). *Le tendenze geopolitiche continentali e l'asse Eurafrika*. Milano: Mondadori.
- Roletto, G., & Massi, E. (1931). *Lineamenti di Geografia Politica*. Trieste: Università di Trieste.
- Romagnoli, L. (2002). La rivista “Geopolitica” (1939—1942) di Giorgio Roletto ed Ernesto Massi. *Atti del XXVIII Congresso Geografico Italiano (Roma, 18—22 giugno 2000)*, Roma.
- Sinibaldi, G. (2010). *La geopolitica in Italia (1939—1942)*. Padova: Libreria Universitaria.
- Toniolo, A. R. (1940). L'unità economica e politica del Mediterraneo. *Geopolitica*, II (12), 165—169.
- Vinci, A. (1990). “Geopolitica” e Balcani: l'esperienza di un gruppo di intellettuali in un ateneo di confine. *Società e Storia*, XIII (47), 87—127.

Дата поступления статьи: 03.03.2017

Для цитирования: Шепелев М.А. Журнал «Геополитика» и становление итальянской геополитической школы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 325—338.

Сведения об авторе: *Шепелев Максимилиан Альбертович* — д-р полит. наук, профессор, профессор кафедры международных отношений и государственного управления Юго-Западного государственного университета (e-mail: ma_shepelev@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-325-338

THE JOURNAL “GEOPOLITICA” AND FORMATION OF THE ITALIAN GEOPOLITICAL SCHOOL

M.A. Shepelev

South-Western State University, Kursk, Russia

Abstract. The article reveals the origins, methodological features and the process of institutionalization of Italian geopolitical school, place and role of the journal “Geopolitica” in this process. The article analyzes the characteristics of Italian geopolitical perception of the world and its geostrategic priorities, formulated by the representatives of the Italian geopolitical schools in the period of its formation in 20—40-ies of the XX century (the Mediterranean — Mare nostrum, Euroafrica). The source of the formation of the Italian geopolitical school was the intellectual influence of irredentism on the age of the Risorgimento. The process of its formation was correlated with the formation of the modern national school of geographical science, in which was dominated the perception of geography as “utilitarian science” and developed the direction of “dynamic political geography”. Its specific features was the “antideterminism” and “geographic humanism”, the recognition that the environment does not have absolute power over society, but political will is a determining factor in anthropogeographical area.

The institutionalization of Italian political school promoted the creation of several research centres in the 20—30-ies and publishing from January 1939 to December 1942 magazine “Geopolitica”. The draft edition of this magazine received support from the minister of national education Giuseppe Bottai, it was headed by Professor Giorgio Roletto and his disciple, Ernesto Massi. Italian geopolitics maintained close ties with their German colleagues, but they were theoretically justified differences between “Latin” and “German” geopolitical worldviews. Unlike the German geopolitics, the concept of “living space” was used primarily in the economic sense, but it was not used in a racial-demographic sense.

Italian geopolitics acted against the world order enshrined in the Treaty of Versailles, because it was protected only a “rich nation” and discriminated “the proletarian nation”, which include Italy. They considered England as the main enemy of Italy, as “new Carthage”. For fighting against England was proposed to build friendly relations with Spain, Turkey and the Arab world, which should create conditions for the implementation of an ambitious project Euroafrica as a large space under the auspices of Italy. This project was considered as the Italian version of the “Monroe doctrine”. First of all, Italian geopolitics sought to regain control of Italy over the North—Eastern Africa and on Terra irredenta (both shores of the Adriatic with Dalmatia and Albania, Malta, Corsica, Nice, Savoie and the Swiss Canton of Ticino, where many Italian compatriots was lived).

Key words: geopolitics, political geography, Italian geopolitical school, journal “Geopolitica”, “big space”, the Mediterranean — Mare nostrum, Euroafrica

Received: 03.03.2017

For citations: Shepelev, M.A. (2017). The Journal “Geopolitica” and Formation of the Italian Geopolitical School. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (2), 325—338.

About the author: *Shepelev Maximilian Al’bertovich* — Doctor of Political Science, Professor, Professor of the International Relations and Public Administration Department, South-Western State University (e-mail: ma_shepelev@mail.ru).

© Шепелев М.А., 2017